

ТАЙНЫЕ В.Ф. АГЕНТЫ

Светозар Чернов

НОВЫЙ
ЦИРК

или

Динамит

из Нью-Йорка

Светозар Чернов
Новый цирк, или
Динамит из Нью-Йорка
Серия «Тайные агенты», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55543853
Новый цирк, или Динамит из Нью-Йорка:
ISBN 978-9934-536-12-0

Аннотация

Посмертное издание неоконченной рукописи Светозара Чернова – приквел цикла «Тайные агенты». В результате интриг международных ведомств Фаберовский, нищий лондонский сыщик, и Владимиров (он же Гурин) – агент III отделения, получают задание следить друг за другом. Один – благородный, уравновешенный (хотя и довольно желчный), любящий порядок (хотя и понимающий, что его нет) и выбирающий сторону добра (тоже спорный вопрос). Второй – анфан террибль с неубиваемым талантом превращать всё в хаос. В итоге всё переворачивается с ног на голову: тайные агенты объединяют усилия по добыче и провозу динамита из Нью-Йорка в Лондон.

Содержание

Леди и джентльмены!	4
Глава 1. Разгром типографии в Женеве	11
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Светозар Чернов

Новый цирк, или Динамит из Нью-Йорка

Посвящается памяти Степана Поберовского

Леди и джентльмены!

Перед вами – первая, она же последняя часть цикла о тайных агентах. Но кто они? Что расследуют? За кем следят?

Знакомьтесь, Степан Фаберовский, лондонский сыщик. Дела его плохи в связи с отставкой постоянного клиента – начальника особого отдела Скотланд-Ярда. И вот он олучает неожиданный заказ:

«Мы хотим, чтобы русский нигилист попытался взорвать представителя русского царя на юбилее королевы, – сообщает немецкий клиент. – Только не надо его смерть, надо только взрыв, иначе это будет великий траур и все пропадёт. Ваша задача – найти среди русских эмигрантов глупого, но очень деятельного человека, какого я нашел в Женева. Вы дадите ему бомбу, а он бросит её».

Этот «глупый, но очень деятельный человек» – Артемий Иванович Владимиров, диверсант, посланный в эмигрант-

скую ячейку Рачковским (глава заграничной агентуры Департамента полиции). У г. Владимирова великий талант всё запутывать и всё превращать в цирк. Он только что сбежал из Женевы в Париж, опасаясь мести тамошней эмигрантской ячейки. Уверен, что будет убит, но верит в чудо. Парадоксальным образом удача оказывается на стороне г. Владимирова. «Чем я лучше французов? – с детской непосредственностью спрашивает сам себя Артемий Иванович. И тут же находит ответ: „Должно быть, душевной красотой!“».

Таков г. Владимиров в противоположность будущему напарнику: Степану Фаберовскому, русскому польского происхождения. Лондонский сыщик Фаберовски благороден и чист душой, как Шерлок Холмс, не менее занудлив и весьма саркастичен.

Долго, долго Владимиров будет подозревать, что Фаберовский – его смерть. Что он должен думать, если везде встречает этого человека? Взять хоть ужасную сцену в «Новом цирке» в Париже. Но Рачковский уже в Париже, и после головомойки от шефа Владимиров получает задание следить за Фаберовским.

В итоге всё переворачивается с ног на голову, тайные агенты объединяют усилия по добыче и провозу динамита из Нью-Йорка в Лондон, и... рукопись осталась неоконченной.

Очевидно, автор должен пояснить, как случилось, что первая часть квадрологии о тайных агентах стала последней. (К пояснице слово «пояснить» отношения не имеет). Более

того, очень возможно, что автор должен объяснить свою личность.

Итак, кто такой Светозар Чернов и из чего он состоит.

Светозар Чернов родился в ноябре 1994 года, на платформе станции Старый Петергоф. Двое, Степан Поберовский и Артемий Владимиров, отправляясь на работы одним совершенно обыкновенным утром, разговорились вдруг о Джеке-Потрошителе. Степан предложил написать книгу. Но так, чтобы это была книга скорее об эпохе и о быте. Артемий сомневался. Его смущала викторианская мебель, женская одежда, белье и то, что под ним – вообще все. «Бородатые дяди в манишках и кальсонах, в макаковой страсти овладевающие проститутками, умывавшимися от одного медицинского осмотра до другого – увольте», – сказал Владимиров. Он, может, ворчал бы и дальше, но Поберовский очень хотел писать. Скрепя сердце, Владимиров выбрал себе «приличные, с эстетической точки зрения, вещи» – Вайоновские чеканы монет, оба британских гимна (третьего тогда еще не было) – и согласился. Бросились изучать викторианский быт. Несмотря на викторианскую мебель, женскую одежду, белье и то, что под ним – обоим ужасно понравилось. Понравился туман, воздух Лондона, эмалированные кружки с чаем в участках.

Нужно было назвать автора. Придумали Светозара Чернова, о чем впоследствии очень жалели. Но было поздно: Светозар Чернов зажил собственной жизнью.

Когда кончилась информация, решили писать книгу. Было это в 1995 году. Первый роман печатали ещё на пишущей машинке. Общий замысел – политическая операция шефа заграничной агентуры Рачковского в Лондоне, с помощью сыскных агентов, Степана Фаберовского и Артемия Ивановича Владимирова, с тем, чтобы затруднить там жизнь эмигрантов.

Соавторы были недовольны. Им все не нравилось. Герои, удивительные похожие на них самих – бывший лондонский сыщик, Степан Фаберовский (он же Поляк) и бывший агент III отделения, Артемий Иванович Владимиров (он же Гурин) делали неизвестно, что, неизвестно, зачем, и вообще было непонятно, кому, черт возьми, все это нужно. До тех пор, пока не образовался новый персонаж: Пенелопа Смит. И Поляк сразу полюбил и ожил. У Пенелопы немедленно образовалась мачеха, почти одних лет, для Артемия Ивановича.

И вот тут обнаружилось, что театр без декораций. За декорациями отправились к Конан Дойлу.

Так началась энциклопедия холмсианцев – книга «Бейкер-стрит и окрестности».

Книга была издана в 2007 г., издательством «Форум» тиражом в 2000 экземпляров, немедленно стала популярной с тех пор регулярно переиздается. Но это отдельная история. Соавторы же продолжали работу над циклом о тайных агентах. По необъяснимым причинам лучше всего удалась последняя часть – «Три короба правды, или Дочь уксусника».

Именно после неё работа началась по-настоящему: соавторы, наконец, поняли, как всё было на самом деле. И с энтузиазмом бросились править черновики. Обычно это происходило по выходным, после остальных работ. При этом Поберовский писал, а Владимиров, лёжа на диване, раздавал ценные указания. Если всё складывалось успешно, происходило пресуществление. Светозар Чернов, един в двух лицах, творил свой роман.

После чего, ближе к ночи, снова распадался.

В последний раз Светозар Чернов распался во вторник вечером, 30 марта 2010 года, в зимнем голом лесу, между Рюэем и Марли – в окрестностях Парижа, с бедкером в руках и Figaro от 11 января 1887 года, выясняя, где проще подсесть на паровик. Распался, как предполагалось, до следующего дня...

В пасхальную ночь с 3 на 4 апреля 2010 года не стало Степана Поберовского. 43 года. Инсульт.

После смерти Степана было решено выпустить все четыре задуманных романа – от конца к началу истории. В том виде, в каком успели дописать. В 2010 г. в «Эдвенчер Пресс» выходит «Три короба правды, или Дочь укусника». В 2013 – «Операция Наследник, или К месту службы в кандалах». Следующая часть (считая от конца) «Барабаны любви, или Подлинная история о Потрошителе» потребовала большой работы. Она вышла только в 2016. Книга, которую вы видите перед собой, решительно отрицалась Владимиро-

вым в силу того, что она не то, что была недописана. Любимая часть с рабочим названием «1887» попросту не могла быть окончена. Мешала грандиозность планов. «А как здорово она писалась! Мы, наконец, обрели полную свободу. Мы могли писать, как хотели и знали, как писать!»

И тем не менее. Стивен Фейберовски, бывший лондонский сыщик – который пока не стал бывшим, и Артемий Иванович Владимиров (он же Гурин) – бывший агент III отделения, автор бессмертных рукописей, как, например, «О всеобщем счастье человечества», не давали покоя Владимирову. В его голове жил и не хотел умирать Светозар Чернов. Его воображение рисовало, как Фаберовский прибывает в Нью-Йорк за столь необходимым ему динамитом, как дирижабль, по ошибке гружёный вместо патронов для буров, воюющих с англичанами, итальянскими гуттаперчевыми клизмами терпит бедствие посредине экваториальной Африки после того, как на него погрузились агенты, чудом сбежавшие от особого отдела Скотланд-Ярда через каминную трубу в доме Фаберовского. Планы были грандиозны. В них входило едва ли не вручение Нобелевской премии – последней в силу того, что превзойти это невозможно, всеобщее счастье человечества и всё остальное.

Почему же Владимиров не реализовал такой великолепный план?

После смерти Степана Поберовского это стало невозможно. Светозар Чернов больше не пресуществлялся. Для это-

го были нужны двое. Однако, созданные автором герои уже живут. И та часть их жизни, что осталась неизвестной нам, всего лишь не написана. Она зависит только от фантазии читателя. Может быть, в этом и есть грандиозность замысла.

Мы попросим читателя помнить это. И, когда чтение прервётся, дать волю воображению.

Елена Соковенина

Глава 1. Разгром типографии в Женеве

2 декабря 1886 года, суббота

– Фанни, может быть хватит юлить?! Когда ты наконец выйдешь за меня замуж? Ты же страшилище, никто другой тебя замуж не возьмет! И Гурин не возьмет. А я возьму. Мы уже три года живем здесь в Женеве вместе, а сожителство наше до сих пор платоническое!

– Лёв Посудкин, ты очень глуп. Ну как я могу выйти за тебя замуж, когда ты подложил мне в ридикюль сдохшего хомяка, хотя я просила закопать его в парке!

В другом месте подобные разговоры непременно вызвали бы у окружающих желание подслушать их, тем более что разговаривавшие делали это громко и не таясь, но в задней комнате скромного женевского кафе на Террасьере эти разговоры слышали каждую субботу вот уже три года. Поэтому русские народовольцы-эмигранты, многие из которых осели в Женеве еще до удачного покушения на царя, не обращали на них никакого внимания. Они галдели, курили скверные папиросы, тянули пиво и бурно обсуждали вопрос, кому из них могут раньше прийти деньги из России, и как много до этого спасительного момента им осталось терпеть.

– Товарищ Березовская, не пожертвуете ли на покупку

хлорной извести? Надо пруд на зиму засыпать, чтобы к весне никакой заразы там не развелось.

К мраморному столу, где сидел Лёв Посудкин и его пасия, подошел невысокий упитанный человек в грязновато-серых чесучовых штанах и вытертом на локтях темном твидовом пиджаке. В одной руке у него была жестянка с нацарапанной надписью «Le Grenouille Rouge Limitée», на дне которой тускло блестели несколько монет, а в другой большая кружка пива.

– И вы тоже жертвуйте, товарищ Посудкин. Жертвуйте-жертвуйте, я у вас книжку видел: «Как стать купцом-сто-тысячником». У вас наверняка деньги должны быть.

Конечно, в Женеве все было дешево по сравнению с Парижем или Лондоном, но на одной дешевизне не проживешь. А заработать в Женеве русским эмигрантам было крайне сложно, особенно если ничего не умеешь делать. Основным их доходом было то, что удавалось занять друг у друга, либо то, что присылали из России и что удавалось утаить от бдительного взора соплеменников. Предложение пожертвовать заставило всех сидевших в задней комнате эмигрантов умолкнуть и уставиться в свои кружки. Те, кто курил, окутались плотными клубами табачного дыма, и только Иона Люксембург, известный террорист-махальщик, участник удавшегося покушения на царя, который настолько был уверен в успехе, что бежал за границу за полчаса до броска Гриневецкого, продолжал говорить в наступившей тишине:

– Просто надо отдаваться своему делу беззаветно, не думая о славе и о последствиях. Если бы я думал о таких бранных вещах, Александр II до сих пор был бы жив!

Тут он поймал заинтересованный взгляд человека с жестянкой и тоже умолк.

– И вы, Люксембург, жертвуйте, – сказал тот. – А то на новое покушение денег не будет. Ну так что, Посудкин?

– Да я же летом тебе, Гурин, два франка сдавал! – занервничал Посудкин и беспомощно оглянулся на свою даму. – Вот и Фанни подтвердит. И в пруду ковырялся больше всех.

– Он и в самом деле сдавал, Артемий Иванович, – умоляюще сложила руки Фанни Березовская, миловидная еврейка с ярко-рыжими волосами. – Помните, мы все тогда сдавали на йодную настойку. Вы еще говорили, что лягушкам йода не хватает в организме, и поэтому у них глаза выпучены.

– Я имею желание жертвовать три франка, – объявил высокий белобрысый немец со шрамами от студенческих дуэлей, известный в Женеве под фамилией Шульц. Он приехал сюда месяц назад из Цюриха, где, по его уверениям, проходил курс наук в Политехническом институте и где проникся сочувствием к идеям террористической борьбы. – Чтобы иметь деньги на террористическая борьба, должен сначала составить капитал, ибо кто хочет иметь доход, сперва имеет расход и хлопот.

– А чего это вы, Шульц, ему три франка просто так даете, а мне, когда я вчера попросил хотя бы франк, что ответили? –

обидчиво крикнул из-за дальнего столика Юха Куолупайкинен, еще один представитель террористической франкции «Народной Воли», хотя и не столь известный, как Люксембург.

– Что надо работать. Хотя бы на общее дело. Я предложил вам, Юха, совершить покушение на гротфюрст Николай в Париже, на что я вам выделю средства, собранные наш камад в Цюрих для этой цели. Вы скажаль, что вы подвернуть ногу и не можете бросать бомб. Так что жертвуйте ваш камад Артемий, и вам будет доход.

– Немец дело говорит, – подхватил Артемий Иванович. – Как говорил Прудон, для лягушек главное – чистая вода. А будут лягушки здоровы – будем и мы с прибылями.

Полгода назад, весной, в этой самой задней комнате на очередной субботней народовольческой попойке, вскоре после прихода из России больших пожертвований на печать народовольческой литературы, один из русских эмигрантов, носивший кличку «Казак» и заведовавший народовольческой типографией, смеху ради предложил товарищам вложить полученные деньги на полгода в какое-нибудь дело, чтобы потом, не трогая капитала, печатать литературу на одних дивиденды и из тех же средств учредить кассу взаимопомощи. Никто сейчас уже не помнил, откуда взялся план разводить лягушек. Но именно Казак порекомендовал Артемия Гурина в качестве крупного специалиста по их разведению, упирая на то, что это будет не просто безличный счет в банке,

а настоящее живое дело, которое послужит заодно сплочению товарищей совместным физическим трудом по очистке лягушачьих водоемов от водорослей. Сам Гурин, никакого понятия прежде не имевший о разведении земноводных, поддержал тогда общий энтузиазм и постарался представить дело в наиболее выгодном свете.

– Лягушка – вещь капитальная! – говорил он. – Затраты на нее пустяковые, а прибыль до 300 %! Представляете, с каждого головастика мы получим пятьдесят франков чистого барыша!

– Но как же пятьдесят франков, когда в ресторане порция лапок и десятой доли не стоит? – недоверчиво спрашивал Посудкин, который по скудости своих средств никогда не бывал в ресторанах, но знал цены от парижских товарищей, которые наезжали иногда в Женеву.

– Так то ж уже мертвая лягушка, а я говорю о живых! – вдохновенно возражал Гурин. – Мы создадим племенное стадо! Мы будем сдавать производителей в аренду для воспроизводства! Да нашего завода лягушки из России будут закупать, к царскому столу!

– Вот-вот! – возбуждались представители террористической фракции. – Мы их пропитаем стрихнином, и отравим не только царя, но и все его семейство!

Все так и осталось бы невинной шуткой и возбуждение вскоре улеглось бы, когда б в Париже неожиданно этой идеей не загорелся сам патриарх русской эмиграции Петр Лавров,

убедивший руководство заграничного отдела партии в необходимости поддержать это многообещающее начинание. Он дал поручение Артемию Ивановичу составить инструкцию для товарищей по технологии разведения съедобных земноводных. И дело закрутилось.

Было создано товарищество на паях, капитал которого был составлен как из типографских денег, так и из личных взносов товарищей. Благодаря кипучей революционной энергии, подогревавшейся мечтами о возможных барышах, русская община закупила по каталогу отборных молодых лягушат и арендовала небольшой пруд в коммуне Шен в пригороде Женевы на летний сезон, на что и ушел весь капитал.

– Это ничего, – говорил сомневающимся Лавров. – Я чувствую, что это мероприятие принесет нам больше денег, чем мы когда-то получили от Лизогуба!

– Да мы не только нынешнего царя на такие деньги казним, – поддерживали Лаврова сторонники террористической борьбы Юха Куолупайкинен и Иона Люксембург, – мы на них его потомков еще сто лет потом казнить будем!

Артемию Ивановичу был посажен у пруда старшим смотрителем на символическое жалование. Ему даже сняли комнатку по соседству. По субботам и воскресеньям из города на паровике приезжали революционеры, неумело возили граблями по дну пруда, как требовал Артемий Иванович, и таскали туда воду ведрами от колодца. Однако очень быстро энтузиазм товарищей заглох и пруд был отдан Артемию Ивано-

вичу в единоличное попечение, в то время как революционеры с жаром и пеной у рта обсуждали грядущие многомиллионные дивиденды, сидя в кафе на Террасьерке за купленным на последние деньги пивом. Только Посудкин, понукаемый Фанни Березовской, еще некоторое время ездил грести граблями в пруду.

К началу июля пруд пересох и племенные лягушки разбрелись по окрестностям, а Артемий Иванович с двумя оставшимися переехал обратно в Женеву, так и не явив долгожданных прибылей.

С тех пор тучи над ним начали сгущаться. В октябре он объявил подписку на йодное лечение своих производителей, носивших гордые имена Якобинец и Карбонарий, от базедовой болезни. Давали на йод неохотно, Артемий Иванович глотку надорвал, рассказывая про швейцарских кретинов и ругая кретинов-соотечественников, которые не понимают, что, лишившись производителей, придется похоронить все надежды. Тогда удалось собрать десять франков, на которые была куплена жестяная ванночка для Якобинца. Теперь, похоже, на трех франках, пожертвованных Шульцем, все и закончится.

– Послушайте, Гурин! – окликнул Артемия Ивановича из дальнего угла комнаты лобастый бородатый эмигрант, тот самый «Казак». – Мы сегодня утром из типографии Карэ отпечатанные листы пятой книжки «Вестника „Народной Воли“» привезли, и с ними листы вашей брошюры про лягу-

шек. Я ее просмотрел, но там ничего не было про необходимость засыпать пруд на зиму хлорной известью.

– Санитарному содержанию пруда я собирался посвятить следующую брошюру, это слишком обширный вопрос, – сказал Артемий Иванович, горестно заглядывая в жестянку.

После переезда царевубийцы Тихомирова из Женевы в Париж Гурин занял место самого плодовитого и постоянно пишущего в русской колонии. Мало того, что он ходил весь заляпанный чернилами с головы до ног, его часто видели в окне своей квартиры с пером в руке, что-то пишущего за столом. Он никогда никому, даже Фанни Березовской, не показывал своих рукописей. Говорили, что он состоит корреспондентом многих русских и французских газет, а также пишет романы из жизни животных. Название одного из них: «Через Рону в Жэ. Воспоминание женевской виноградной улитки о путешествии из Шена на паровике, конке и омнибусе с двумя пересадками» Фанни видела на одной из папок с бумагами. В действительности несколько вечеров в неделю Артемий Иванович посвящал написанию подробного донесения о жизни женевской эмиграции, которое отправлял в Париж на имя мсье Леонарда – под этим именем скрывался заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции Петр Иванович Рачковский. Артемий Иванович делал это вовсе не из желания нагадить ближнему, и не потому, что он разочаровался в своем революционном призвании. Уже пять лет он был профессиональным внутренним

агентом, сперва у Священной дружины, а теперь у Департамента полиции, за что ежемесячно получал двести пятьдесят рублей с разъездными.

В одном из таких рапортов он сообщил Рачковскому о том, что народовольцы получили различные пожертвования на свое дело, а вместе с ними и заказ от «либералов» на печать собрания герценовских «сочинений». Месяц назад Рачковский приехал в Женеву, чтобы организовать истребление типографии. Она составляла главную основу революционной деятельности заграничного Отдела «Народной Воли» и со времен «Колокола» служила самым крупным источником революционной заразы в России. По заданию Петра Ивановича Гурина собственноручно нарисовал план типографии, рутая в кассе шрифты одновременно пытаясь завести тесные отношения с «Казакком» и волочась за его нареченной невестой Галиной Светлявской, также работавшей в народовольческой типографии.

Сегодня утром Артемий Иванович очередной раз пошел заглянуть в типографию, находившуюся на том берегу Роны за вокзалом, и увидел у дверей фургон, из которого два мордатых парня под дождем выгружали пачки, упакованные в коричневую бумагу, и тяжелые ящики с набором. Ясно было, что в типографию привезли отпечатанные листы «Вестника» и вернули сам набор, а готовый набор последних листов пятой книжки Герцена в субботу не повезут, он останется в типографии до понедельника. Это давало уникальный шанс

уничтожить не только отпечатанный тираж, но и разом весь шрифт, имевшийся в распоряжении у народовольцев. Такой шанс упустить было нельзя, и налет нужно было совершить сегодня ночью, тем более что Казак наверняка устроит на Террасьерке в честь такого события попойку.

Не заходя в типографию, Артемий Иванович развернулся и бросился бежать на вокзал, откуда отбил Рачковскому телеграмму: «Готовую партию привезли утром Порожня тара будет складе до понедельника Что делать Товаровед». К пяти часам Артемию Ивановичу доставили ответ: «Назначаю на сегодня».

Впервые Гурину предстояло сделать опасный шаг, который не просто ставил его под угрозу разоблачения, но грозил многолетним заключением в швейцарской тюрьме (тюрьму он эту видел, и она ему не понравилась). Ему надо было явиться сейчас в дом, где находилась типография, и объявить хозяйке, что истребление типографии назначено на сегодняшнюю ночь, тем самым полностью отдавая себя в ее жадные руки. Две недели назад он специально познакомился с ней и ее мужем, работавшим машинистом на паровике, ходившем в Шен. Это было сравнительно легко, поскольку мужа Артемий Иванович хорошо знал по своим частым поездкам к лягушачьему пруду. Машинист принадлежал к одной из женевских социалистических групп и сочувствовал русским эмигрантам. Жена его была домохозяйкой, подрабатывавшей уборкой в типографии, у нее Казак и его

невеста Светлявская обычно оставляли ключ. Жило семейство бедно, отчего жена, женщина глупая и корыстолюбивая, очень страдала. По наущению Рачковского Артемий Иванович убедил ее мужа, что мсье и мадам, работающие в типографии, несправедливо завладели типографским имуществом и действуют вразрез с принятыми в России программами, поэтому русские революционеры заинтересованы в ее уничтожении. «Мы бы могли на них и по суду управу найти, – сказал машинисту Артемий Иванович, – но нельзя же позорить русское революционное движение перед всем миром, доведя внутреннее дело до буржуазного суда!» С глупой бабой было еще проще – он просто дал ей двадцать франков и она согласилась открыть типографию своим ключом и не запирает наружную дверь в ту ночь, на которую будет намечен налет.

Артемий Иванович уложил все бумаги и отправил их с вокзала багажом на французскую границу. Потом он явился к хозяйке, предупредил ее, что праведная месть свершится сегодня ночью, и уверил, что все будет обставлено так, что на нее подозрений не падет. Для этого он, перед тем как уйти, исцарапал замок на двери типографии складным штопором, чтобы создать впечатление взлома. Людей Рачковского, которые были назначены для налета на типографию, Гурин не знал – Петр Иванович привез их из Парижа. Известно было только, что один поселился где-то около типографии под фамилией Кун, а другой – неподалеку от Светлявской снял

квартиру на фамилию Грюн. Артемия Ивановича очень беспокоило то обстоятельство, что о них каким-то образом прознали народовольцы – слухи о шпионах с такими именами будоражили женевскую эмиграцию уже дней десять. Однако Гурин уже ничего изменить не мог, свое дело он сделал и теперь ему оставалось лишь ждать, когда Кун и Грюн или как их там на самом деле явятся ночью на Монбрилан и уничтожат и набор, и шрифты, и «Вестник», и все приложения к нему...

– Эй, эй! Казак! – воскликнул Артемий Иванович, чуть не уронив кружку с пожертвованиями. – А чего это мою инструкцию так быстро напечатали? Обещали привезти только на следующей неделе.

– У Карэ в этот раз заказов мало было.

«Вот черт, – подумал Артемий Иванович. – Столько трудов, первая книжка почти свет увидела...»

Он пересчитал деньги в кружке, сел за столик рядом с Березовской и Посудкиным и велел подать ему два децилитра коньяка.

– Всего три франка! – объявил он, высыпая мелочь на белый мрамор стола.

– А вы что думали?! – крикнул кто-то срывающимся голосом. – Вам кто-то теперь поверит?

– Верно! – загудело общество. – Без гроша сидим. К «Эскаладу» дивиденды были обещаны!

– Да-с, где мои дивиденды? – встрепенулся Посудкин. – Я

рассчитывал к фестивалю купить себе новый сюртук, обновить носки и исподнее. А теперь что?

– Я за тебя не выйду, Лёв, – упрямо сказала Фанни. – Потому что ты дурак.

– Вот! – сказал тот и воздел перст. – Вот это все потому! А где, спрашивается, мои гроши? У этой скотины.

– Но послушайте, Посудкин, – сказал Артемий Иванович. – У нас общество на паях, я также внес свой пай и имею такую же долю в барышах, как и все...

Посудкин взревел и, перегнувшись через стол, вцепился Артемию Ивановичу в горло.

– Долю в барышах! – заорал он. – Это мои деньги! Верни мне мои деньги!

– И нам верни! – раздались голоса. – Мы не хотим больше лягушек!

Фанни осторожно ткнула Посудкина вилкой в зад, и тот от неожиданности разжал руки. Артемий Иванович схватил кружку и объявил, что размозжит ею голову любого, кто еще посмеет приблизиться к нему.

– Товарищи! – воскликнул Шульц. – Вы готовы драться друг с друг из-за любой грош. Надо тратить свою злость и энергию на борьбу. Настоящую борьбу. Убить грессфюрст в Париж или в Лондон. Вам сразу будет много денег. Террористическая борьба есть такой же гешефт, как и все остальное. У большой гешефт – большой касс, а у маленький – три франк. У вас был большой гешефт, когда вы убиль свой царь.

Вы до сих пор получаете из России дивидент за этот гешефт. Три франк – это касс для ваш новый лягушачий гешефт. Вам надо опять убивать тиранов, если вы хотите есть хлеб с колбаса, а не сухарь.

– Вы проститулируете саму идею революционного террора, Шульц! – крикнул Посудкин. – Ее нельзя измерять деньгами. А ваш Гурин – просто провокатор!

– Чтобы проникнуть в наши дома, этот соглядатай самодержавия перехватывает почтальона, которому лень ходить по домам, и потом сам разносит письма! – сказал Иона Люксембург. – Ведь ты же не можешь просто взять у него письмо и закрыть дверь, приходится приглашать его домой. А он только этому и рад! Ведь и чаем тут напоят, и еще чего-нибудь съесть выпросит.

«Нужен мне ваш чай спитой без сахара! – обидевшись, разлился Артемий Иванович, стараясь, однако, не подавать виду. – Да я изнемог ваши конверты на пару вскрывать и потом всю эту чушь переписывать. Да мне тысячи рублей жалования за это мало!»

– Он специально разорил всю женеvскую эмиграцию! – продолжал Посудкин.

– Да еще так умело, что вы и рассказать никому не сможете – засмеют! – сказал Казак. – Социал-демократы со своим Плехановым со смеху помрут. Полноте, товарищи, ну какой Гурин провокатор! Был бы провокатором, не сидел бы он целое лето у пруда на жаре. Да и инструкцию вам, дуракам,

не писал! Я ее прочел, пока набирал, здорово написано, со знанием дела. Вы бы, Посудкин, взялись ее распространять среди плехановцев, вот и деньги свои вернули бы.

– А наш пруд мы им в аренду сдадим от себя, – предложила Фанни.

– Или можете с Эльсницей договориться, все-таки у него какая-никакая книжная торговля здесь.

– Так значит я, по-вашему, провокатор?! Шпион, значит, полицейский?! – Артемий Иванович допил коньяк и стукнул стаканом о стол. – Еще два децилитра, и я уйду от вас. Сдаю вам имущество и больше не имею с вами дела. Выкручивайтесь, как хотите. Грабли у Федерера, из трех моих лучших производителей на Народовольца наступил Плеханов, Якобинец болеет (он у меня дома в банке), Карбонария я еще осенью Фанни подарил, а Декабрист ускакал куда-то, пока я вам, Посудкин, объяснял как граблями работать. Засим считайте, что дела я сдал, а эти три франка заберите и подавитесь. Отдайте вон буфетчику или Шульцу обратно.

Он маханул принесенный ему стакан коньяка и, обиженный, вышел на улицу. Моросил зимний холодный дождь, в голове шумело от выпивки и сердитых мыслей. Артемий Иванович раскрыл зонт.

«Я для этих паразитов потратил лучшее лето своей жизни, сидел у этого вонючего пруда, пока Посудкин с Фанни Березовской кеффовал! И он будет мне претензию делать! Я ради общего дела рискую оказаться в тюрьме, если эта

дура-хозяйка утром проговорится полиции, кто ей дал двадцать франков – а они! Я ради общего дела по ночам сочинял свой труд, который даже Бохановский сейчас похвалил, его наконец-таки напечатали – и вот!»

Тут Артемий Иванович оборвал перечисление своих заслуг перед революционным движением. Боже мой! Ведь именно сейчас, в эту самую минуту люди Рачковского не только громят типографию, они уничтожают его творение, которое он еще никогда не видел в напечатанном виде! Последний стакан коньяка наконец ударил ему в голову.

«Черта с два я им такое спущу!»

Уже не думая ни о чем, Артемий Иванович дунул к церкви Св. Троицы, где плюхнулся на извозчика и за франк в десять минут доехал до вокзала. Пока он расплачивался, невнятно бормоча и роняя под ноги монеты, с площади уехал под арку железнодорожной насыпи последний омнибус в Жэ. Артемию Ивановичу тоже надо было под арку. Здесь он ступил в огромную лужу, промочил ботинок, выронил зонт и, окончательно потеряв чувство реальности, преисполнился лютой ненависти к коллегам-погромщикам, покусившимся на его бессмертный труд.

От привокзальной площади по улице Монбриллан до типографии ходу было минуты две. Слева чернел и шумел мокрой листвою парк, справа тянулись убогие двухэтажные домишки. Типография «Народной Воли» находилась на первом этаже самого последнего дома, дальше по дороге на Жэ

шли задворки товарного депо и газового завода, да зловещей башней возвышался гигантский газгольдер.

Окна типографии были темны, изнутри на улицу не доносилось ни звука, и Артемий Иванович остановился в нерешительности. Может, погромщики вовсе сегодня не пришли? Одному ему было страшно заходить в пустую типографию. Где же зонт? С ним как-то увереннее. Ах да, он же его уронил! Гурин покурил, потом собрался с духом и вошел в коридор. Здесь он еще потоптался минуту, затем решительно толкнул дверь. В типографии ни звука. Эх, была – не была – и он шагнул внутрь. Из темноты призрачной тенью выскочила доска и треснула его в лоб.

Очнувшись, Артемий Иванович не стал спешить и открывать глаза. Очень саднило лоб. Где-то рядом по-французски переговаривались два голоса: один, судя по выговору, принадлежал парижанину, второй, несомненно, был местный.

– Я предлагаю оттащить его в парк и бросить там в пруд, – испуганно говорил парижанин. – Он захлебнется в воде, и все решат, что он утонул пьяным.

– Нет, – хрипло отвечал швейцарец. – Так не годится. Я не занимаюсь такими делами. Вы завтра утром уедете, а я останусь.

Артемий Иванович почувствовал прилив теплых чувств к швейцарцу. «Все-таки наши женеvцы человечнее этих заносчивых парижских хлыщев», – подумал он.

Где-то чиркнули спичкой, и уже третий голос с явным рус-

ским акцентом сказал:

– Давайте этого дурня коньяком до беспамятства напоим да здесь оставим. Вот пускай он утром объясняет своим, чего он тут натворил.

«А все-таки наш брат славянин лучше всех». – Артемий Иванович открыл глаза, но светлее не стало.

– Эй, зажгите свет! – потребовал он и встал на четвереньки.

– Проснулся! – неприязненно отметил парижанин. – Мсье, подайте бутылку коньяка из сумки.

Чья-то лапа ощупала в темноте лицо Артемия Ивановича, испачканное в крови, сочившейся с рассеченного доскою лба, нашла рот и сунула туда горлышко бутылки. Журча и приятно обжигая гортань, коньяк потек в желудок. Затем приятность прекратилась, и Артемий Иванович вынужден был вскочить на ноги, чтобы коньяк не потек обратно.

– Эй, ты куда?! – по-русски окликнул его брат-славянин.

Артемия Ивановича покачнуло, и он ударился о какой-то стол. Непослушными пальцами он чиркнул о коробок спичку и в свете ее увидел готовый набор в раме.

– «Введение в гренуеведение», – прочел он задом наперед заголовок. Будь он трезв, это заняло бы у него много времени, но тут он сразу признал в ящике свой труд. Спичка погасла, и в темноте Артемий Иванович бросился грудью на набор, крича: «Не дам! Мое!»

Он свернул стол вместе с ящиком, шрифт рассыпался по

полу, а Артемий Иванович, больно ударившись о какой-то угол, рухнул на пол.

– Сейчас уснет, – сказал швейцарец, методично что-то рвавший в темноте.

Но Артемий Иванович спать не собирался. Он опять встал на четвереньки и двинулся вперед, сшибая головой все подряд. Вскоре он уткнулся носом в чьи-то панталоны из грубой шерсти, и укусил их хозяина за икру.

– Ай, да уймите же его! – брат славянин лягнул Артемия Ивановича в плечо.

– Может, следует напоить его царской водкой? – предложил парижанин.

– Я думаю, Бинт, будет лучше, если мы оттащим этого кретина подальше, к самой Роне, чтобы он до утра не нашел сюда дороги, и оставим его там спать.

– Я согласен, – сказал парижанин, которого славянин назвал Бинтом. – Он уже не держится на ногах, а на четвереньках от Роны ему будет слишком далеко ползти. Мсье, – Бинт обратился к швейцарцу. – Продолжайте свою работу, мы скоро придем.

Артемий Иванович почувствовал, как его с двух сторон подхватили под мышки и поволокли наружу. Сперва он брыкался и задевал ногами какие-то столы, потом его головой открыли сперва одну, а потом и вторую дверь, и он перестал брыкаться. На улице было темно, холодно и гадко, и Артемий Иванович заскулил.

Под аркой железнодорожной насыпи его проволокли по знакомой луже, и он опять начерпал полные туфли воды и споткнулся о собственный зонт, который все еще валялся там. С привокзальной площади Артемия Ивановича потащили по рю де Монблан в сторону Роны. Окна всех магазинов были закрыты ставнями, все добропорядочные женеvцы уже улеглись спать и погасили свет в окнах, и только шум дождя и гулкие шаги его похитителей будоражили сонную тишину темной улицы. Вода затекала Гурину за шиворот, хлюпала в ботинках и застилала глаза, смешиваясь с кровью, отчего радужные пятна вокруг уличных фонарей казались ему зловеще красными. У гостиницы «Женевской» полицейский, следуя общей женевской традиции пароходов, поездов, омнибусов и извозчиков не мешать почивающим, на цыпочках крался в блестящей от дождя пелерине мимо спящего в дверях швейцара. Увидев, как волокут Артемия Ивановича, он с ухмылкой пожелал им доброго пути и, убедившись, что никто не шумит, продолжил свой обход. Пройдя еще один дом, за газетным павильоном на Пляс де л'Антрепо, мусье Бинт и брат-славянин, при свете фонаря оказавшийся пузаном с варшавскими усиками, а вовсе не витязем с окладистой бородой и в островерхом шеломе, как в пьяном припадке патриотического пароксизма представлял Артемий Иванович, свернули от греха подальше направо и нырнули в темную узкую улицу между многоэтажными домами, в конце которой зловеще блеснула Рона. Стало слышно, как, стекая к реке,

журчит вода в водосточных канавах.

– Ой, – икнул Гурин, заметив жавшуюся в темном подъезде знакомую фигуру. – Это же Фанни! Фанечка! Фанечка! Спаси! Кажется, меня хотят утопить!

Фанни Березовская искала Артемия Ивановича по всей Женеве с тех пор, как он покинул кафе, рассорившись с эмигрантами. Она побывала и у него на квартире, обошла все брассьеры, уже собиравшиеся закрываться, опросила швейцаров гостиниц на набережной, но нигде человека, походившего на Гурина, не видали. Она сходила к вокзалу в «Альпийскую» гостиницу и в «Вокзальную», и даже решилась, терзаемая стыдом и смущением, посетить известное заведение мадам Саркози на улице Винкельрида, но и там ее постигла неудача: публичные дома в Женеве, как и другие заведения, по ночам не работали, и все проститутки во главе с мадам спали. Фанни как раз вышла на улицу, когда дождь полил еще пуще, и она не стала открывать зонтик из-за сильного ветра, решив переждать в подъезде. Она никак не могла даже предположить, что встретит у заведения мадам Саркози Артемия Ивановича не веселым и пьяным, а в таком страшном виде, почти бесчувственного, с окровавленным лицом и в обществе двух громил, одного из которых она сразу узнала – мусье Кун недавно поселился рядом с народвольческой типографией и даже заигрывал с ней однажды на улице. То, что эти люди были опасны и жестоки, стало ясно ей при одном взгляде на лицо Гурина. Быть может, если

бы благородный Лёв Посудкин был рядом, она сразу бы бросилась на помощь, но одной ей, вооруженной лишь зонтиком и длинными ногтями, не справиться с двумя здоровыми мужчинами. А пока она будет бегать за полицейским, которого как всегда, в нужный момент днем с огнем не сыскать, Артемия Ивановича утащат в тайный шпионский притон, а она опять будет бегать по улицам вместе с полицейским и оправдываться, что не видела, куда Гурина уволокли. Поэтому Фанни решила не привлекать внимание громил, а молча укрыться в темноте и проследить, куда они направятся.

Не получив ожидаемой помощи, Артемий Иванович сник. Он уверовал в свою неизбежную смерть в водах Роны и стал перебирать в памяти главные события своей жизни, совсем перестав перебирать ногами. Носильщики крикнули и запыхтели, а гнилые подмышками у пиджака Артемия Ивановича треснули, выпустив наружу подкладку. Бинт сунул ему кулаком в бок, надеясь стимулировать движение ногами. Но если даже главнейшие события перебирались перед затуманенным внутренним взором плохо – вспомнилось первое любовное признание, сделанное им между выгребной ямой и покойницкой Петергофской полицейской части, и дядя Поросятьев, убегающий по росистому утреннему лугу от соседского быка – то что уж говорить о ногах. Так приятно было вспоминать о прекрасных мгновениях прошлого, когда не еще болел разбитый лоб, а неизвестно куда девшийся с головы котелок был еще совсем новым. Куплен он был в Пари-

же, в магазине Жибу на рю Вивьен, когда Артемий Иванович приступил к первой своей большой работе в области живописи – портрету восшедшего на престол государя императора. Гурин писал его с себя, глядя в зеркало. Он работал самозабвенно, забыв про сон и еду, пока наконец не явил свету раму с ликом Александра III, больше похожего на розовую жабу в мундире с застёжкой на левую сторону на бабий манер и с какими-то невиданными орденами. Портрет это был доставлен через Зографо в Россию и вручен императору от имени «Святой Дружины», заставив государя прервать аудиенцию и удалиться из приемной, содрогаясь от смеха. Артемию Ивановичу передавали, что император держит этот портрет в своем рабочем кабинете на стене у стола, прикрытым шелковой занавесью и раскрывает его только в присутствии доверенных лиц. Вдохновленный успехом, Гурин написал еще один портрет, опять специально для «Святой Дружины», портрет государыни императрицы Марии Федоровны. Но ее он тоже писал, глядя на себя в зеркало, поэтому следующая розовая жаба оказалась в его творчестве последней и привела к разгону «Святой Дружины».

Кулак Бинта вернул Артемию Ивановича из сладостных воспоминаний к мокрой действительности. Француз и братславянин были еще полны сил, а до Роны было два шага, так что очень скоро на Гурина дохнуло речной свежестью, и он обнаружил, что его тащат по мосту на середину реки. В этом месте посреди Роны было два острова: один маленький,

безымянный, едва видневшийся из-под воды, а другой побольше, носивший гордое имя философа Руссо и обсаженный высоченными тополями. Мост Берже, по которому волокли Гурина, шел как раз через безымянный островок, где ломал свое направление и под углом шел дальше на противоположный берег. С самого этого коленца на остров Руссо был перекинут узкий висячий мостик, на который и попытались затянуть Артемия Ивановича.

– Пустите! – заверещал он на всю ночную Женеву. – Скотины! Я не хочу умирать! Я на вас Государю пожалуюсь!

И тут же получил поддых. Тут Гурин перепугался не на шутку. Он боднул Бинта головой в живот. Что-то крикнуло – то ли ребра Бинта, то ли перила, основательно прогнившие от рачительного бережения отцов города Женевы. Фанни Березовская, кравшаяся до самого моста Берже и даже рискнувшая пойти с него по мостику, ведущему на остров Руссо, криком обнаружила свое присутствие.

– Не трожьте его! Полиция! – Как фурия она налетела на громил и принялась лупить их зонтиком. – На помощь! Полиция! Убивают!

Опешивший от неожиданности Бинт обернулся и тут же получил зонтиком в глаз. Взыв от боли, француз вырвал у Фанни зонтик, сломал его об колено, за что немедленно поплатился: Березовская вонзила ему в холеные щеки острые ногти. Разъяренный Бинт сгреб ее в охапку и, словно Стенька Разин на стрежне, метнул в темную Рону.

Фанни протяжно завывала и ушла с головой в ледяную бездну. Бездна у острова была мелкая, всего по пояс, но от потрясения и пережитого во время падения страха Фанни совершенно потерялась. Пока она отфыркивалась и закрывала ладонями лицо от стекавшей с волос воды, течение властно ухватило ее турнюр и поволокло на стремнину. Фанни поздно начала сопротивляться, ноги уже беспомощно скользили по гальке. Этот турнюр был ее гордостью, она шила его сама долгими вечерами, когда они вместе с Артемием Ивановичем, уединившись у нее в комнате, предавались в тайне от товарищей по эмиграции буржуазным утехам: пили вино или даже шампанское, а затем рассматривали модные парижские журналы: «Modes nouvelles des Paris», который она выписывала на свое имя, или «La Mode Iullstrée», присылавшийся хозяйке квартиры. Она набила его не соломой и конским волосом, а, по совету Гурина, винными пробками, чтобы обезопасить себя в случае пароходокрушения во время поездки в Шильонский замок.

Теперь проклятый турнюр взял власть над своей хозяйкой, заставляя ее следовать за ним, словно насаженная на крючок наживка за поплавком. Фанни плыла филеямиверху, судорожно высовывая голову на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Единственное ее спасение теперь состояло в том, чтобы одолеть строптивый пробковый зад и доплыть до одного из двух портомойных плотов, темневших у правого берега. Отчаянно загребая воду руками – ноги, словно сава-

ном, были опутаны мокрыми юбками, – Фанни устремилась к плотам, но ее стремления никак не отражались на результатах – плоты, кажется, пронесло мимо. Хватив воздуха, она судорожно стала передергивать юбки вместе с турнюрком на живот, что ей в конце концов удалось.

Теперь можно было плыть на спине, придерживаясь за турнюр, как за поплавок. Фанни бросила взгляд на берег и поняла, что опоздала – ее пронесло мимо плотов и теперь неудержимо тащило мимо старой насосной станции, называвшейся женеvцами просто «Машиной», прямо на плотину под деревянный мостик, соединявший станцию с правым берегом. Она хрипло взвыла и отчаянно замолотила руками и ногами, но было поздно: ее навалило на склизкие бревна и стало засасывать вниз. Ломая ногти о мокрую древесину, она попыталась выбраться на верх плотины, но вода подхватила ее за пробковый турнюр, перевалила через бревна и сбросила вниз, в пену, весело искрившуюся в свете горевшего на мостике газового фонаря.

Фанни в ужасе зажмурила глаза. Ее несколько раз перевернуло кверху тормашками, стукнуло головой о дно и выбросило на поверхность. «Все, – подумала она, крепко прижимая к себе пробкового друга. – Я сейчас утону и не смогу спасти Артемия Ивановича от гибели».

Артемий Иванович всегда побаивался воды, потому и турнюр советовал ей набивать пробкой. Ах, какой прелестной прогулкой была их поездка на парходике в другой ко-

нец лимана в Шильонский замок. Артемий Иванович очень тогда разочаровался подземельями, в которых был заключен Бонивар. «Да у меня в Петропавловской крепости каземат куда страшнее был!» – говорил он. Зато он навсегда покориł ее трепетное еврейское сердце, когда, после рассказа служителя об одной из герцогинь Савойских, что сбежала от мужа через окно к своему возлюбленному, ждавшему ее внизу в лодке, спросил, деловито глянув вниз: «А ты бы, Фанни, сиганула бы ко мне из этого окна, если бы я на лодке приплыл за тобой к замку?» «Сиганула бы, Артемий Иванович», – сказала она тогда, замирая и с надеждой ощупывая свой новый турнюр. «Ну и дура. Сама бы разбилась, и в лодке дыру сделала, и я бы утоп. Пошли лучше пиво пить».

А еще ей вспомнилось, как она, будучи барышней современной и свободной от предрассудков, сделала формальное предложение Артемию Ивановичу, а тот, смущаясь, что-то невнятно забормотал в ответ, поминая постоянно узы, уды и священную необходимость. Из всего сказанного понятно было только, что он еще не готов жениться. А затем была восхитительная прогулка на лодке по Женевскому лиману, и налетевший шквал, едва не опрокинувший их углый челнок, и ревнивый Посудкин, кидавшийся в Артемию Ивановича камнями, когда они приставали к берегу. Именно после этой прогулки Гурин отказался плавать по озеру и они стали просто уединяться у Фанни в комнатке и пить вино, а Посудкин ковырялся в замочной скважине, пытаясь выда-

вить ключ.

Но лучше всего были вечерние прогулки с Артемием Ивановичем к фонтану у новой водонасосной станции, где собирались празднующие со всей Женевы и ждали, когда в мастерских закончится работа и мастера перекроют воду, отчего в небо взметалась на тридцать метров толстая струя воды, сигнализируя водонасосникам о необходимости остановить насосы и уменьшить напор. Когда они первый раз пошли на фонтан – это было полгода назад, в середине мая, – Артемий Иванович сделал ей первый и пока последний подарок: купил у зобастой старухи на рынке грушу.

Фанни открыла глаза и увидела над собой пешеходный мостик, а за ним темное здание крытого рынка. Сейчас она утонет, и ее закоченевшее тело запутается в каких-нибудь рыболовных сетях, и ее обмоют и положат в коммунальном морге, и все будут ходить и бесстыдно разглядывать ее, и придут все русские эмигранты опознавать ее, а похабник Посудкин будет плотоядно пялиться на ее голое тело и гоготать на весь морг: «Краше не стала». А Артемий Иванович не увидит ее, и не прольет слезы. А что если он спасется и придет в морг? Зачем ей тогда там лежать мертвой и делать для всех такое представление, когда она лучше будет живой делать то же самое только для Артемия Ивановича? И если она утонет, эта мерзавка Светлявская тут же набросится на него! Ну уж нет!

– Караул! Спасите! – Силы вернулись к Фанни и она,

взбив бурун из пены, со скоростью самодвижущейся мины понеслась к черным сваям общественной купальни. Выбравшись на берег, Березовская перебежала Кулувреньерский мост и, отжав, сколько возможно, юбки, помчалась по набережной и затем вдоль рельсов паровика прямо на Террасьерку.

В кафе, которое она покинула вслед за Артемием Ивановичем два часа назад, все было по-прежнему, только накурено было больше да народу поубавилось. Ушел Казак с Светлявской, и еще несколько пустых мест было за столами. Шумели, галдели, пьяный Лёв Посудкин клевал носом в углу.

– Фанни, ты что?! – проснулся он и уставился на турнюр, по-прежнему болтавшийся на животе. – Ты беременна?!

– Товарищи! Нашего Гурина схватила русская полиция, – возгласила она, не обращая внимания на Посудкина. – Я сама видела, как двое шпионов тащили его к реке, чтобы утопить. Один из них – мусье Кун, который шпионит за нашей типографией. Я хотела помешать им, но не смогла. Меня саму сбросили в реку! Бежим, поможем ему!

В кафе повисла испуганная тишина. Все в оцепенении смотрели на Фанни, всегда одетую, словно на модной картинке, а сейчас стоявшую посреди комнаты в мокрой юбке, с которой вода растекалась по полу, с мокрыми растрепанными волосами, которые она безуспешно пыталась поправить дрожащими пальцами.

Посудкин встал, покачиваясь, и сказал:

– Твой Гурин – шпион!

Он окинул налитым кровью взором сидевших в кафе со-
племенников. Те непроизвольно встали.

– Но Лёв, Гурин не шпион! – возмутилась Фанни. – Его
самого хотят убить!

– Я приехал сюда из Цюрих к революционеры, а нашел
здесь одни меммле и баб! – неожиданно сказал Шульц. –
Каждый секунда дорог! Das ist Goldes wert! Вы, Посудкин,
есть горазд говорить и делать ничего! Вашу рука, товарищ
Фанни. Мы вдвоем спасем Гурин.

Немец достал из сюртука револьвер, чем безумно перепу-
гал всех присутствующих.

Поднялся неуверенный галдеж.

– А что, пойдем, поможем! Вон, у него и револьвер есть!

– Я тоже сейчас за револьвером схожу.

– А мне надо носки теплые одеть.

– Я никуда не пушу вас, мадемуазель Березовская, пока
вы не переоденетесь, – решительно заявила мадам Гриссо. –
Я не хочу, чтобы нашей коммуне пришлось оплачивать оче-
редные похороны.

Мадам взяла Фанни за руку и поволокла на кухню.

– Мсье Гриссо! – обратился пристыженный Шульцем По-
судкин к хозяину. – Не одолжите ли нам ружье?

– Ружье я вам не дам, – ответил Гриссо. – Вы его пропъете
или потеряете.

– Да разве в вашей дурацкой Женеве ночью что-нибудь

пропьешь!

– Ваш полковник Соколов, еще когда был здесь, мои рога со стены сумел пропить в три часа ночи. Я сам выкупал их потом у вокзала.

– Тогда одолжите хотя бы фонарь. А еще какое-нибудь оружие у вас есть? Мы утром все вернем.

– Есть топор. И большой нож для сыра.

– Тащите все: жерди, заступы, грабли.

– Я видел здесь еще братшпайс, – вставил Шульц.

– Вертел я вам тоже не дам, – ответил Гриссо.

– Куолупайкинен, а ты куда наострился? – загремел Посудкин.

– За револьвером.

– Вот тебе эту большую вилку. Револьвера у тебя нет, не ври. А тебе, Иона, кочерга. Вы же с Куолупайкиненым из террористической фракции, так что и оружие у вас должно быть устрашающее.

– Может, лучше полицию позовем?

– Мы революционеры! Полицию звать стыдно. Сами справимся. Нас тут сорок человек, а там всего двое прощелыг.

Шум в зале стих. Все представили себе двух страшных прощелыг, и весь энтузиазм, возбужденный было револьвером Шульца и энергией Посудкина, был удушен холодным страхом. Было слышно, как Люксембург поставил кочергу к стене.

Дверь кухни открылась, и в зал вошла Фанни. И юбка, и

старая вязаная кофта, и накидка с капюшоном, и старушечьи полосатые чулки, и даже потемневшие от старости и кухонной копоти башмаки были ей велики, отчего одежда висела на Фанни мешком, а башмаки норовили свалиться при каждом шаге.

– Так ты похожа на Веру Засулич, – сказал Посудкин. – Такой же задрипыш.

– Вперед, камрад! – призывно взмахнул револьвером Шульц, и толпа нехотя вывалилась на улицу под дождь. Посудкин решительно направился во главе своего войска к путям городской узкоколейки. Когда те, кто не рискнул сразу убежать, пришли к блестящим в свете газовых фонарей мокрым рельсам, вдали в темноте как раз замаячили огни последнего паровика, шедшего сегодня из Шена в город, и долетело поскрипывание его тормозов.

– Стой! Стой!

Посудкин встал на его пути и закрутил над головой сырным ножом.

Паровик заскрипел тормозами и остановился в нескольких шагах от него. Это было неуклюжее сооружение – железный короб с маленьким паровозиком внутри и железной крышей на четырех стойках. Под брюхом у паровика расплзлось светящееся красное пятно от подувала, из грязной прямой трубы, торчащей сквозь крышу, вылетали искры, он пыхал паром и натужно сипел. Из вагончика сзади паровика выскочил кондуктор и стал сбивчиво объяснять Посудкину

и Шульцу, что паровик идет в депо и не может взять их. На самом деле его просто утратила эта толпа иностранцев с дрекольем в руках, однако когда странная дамочка в одежде с чужого плеча пообещала взять на всех билеты, он смягчился. По десять сантимов за рыло, да тут их человек тридцать – ого, три франка! Сколько выгоды моему доброму хозяину!

Русские вылезли у убогого кальвинистского собора на Пляс де ла Фустери.

– Товарищи, что случилось? – спросил у них машинист паровика, узнав некоторых из пассажиров. – Я сам социалист. Чем я могу помочь?

– Два шпиона из тайной русской полиции пытаются убить нашего товарища, – ответил Шульц. – Товарища Гурина, вы его должны знать. Он в Шене лягушек летом разводил.

– Одолжите лопату, – сказал Посудкин.

– Но мне надо кидать уголь в топку, – возразил машинист, который хорошо знал товарища Гурина, поскольку тот не так давно уговаривался с ним и его женой насчет ключа от типографии. Он даже догадался, что это не русская полиция, а мсье и мадам из типографии убивают Гурина, но промолчал. Не дай Бог они узнают про ключ – тогда и его с женой убьют.

– Накидайте – и дайте лопату Посудкину, – потребовал Шульц. – До депо как-нибудь доедете, а утром мы ее вам вернем.

– Только верните!

– Непременно, он домой ее вам занесет!

Посудкин взглянул на церковные часы. Была половина одиннадцатого.

– Мне пора домой, – жалобно сказал представитель террористической фракции Люксембург. – У меня нет ключа, меня хозяйка домой не пустит.

– Держи лопату, трус! – Фанни забрала у машиниста лопату и вручила ее Люксембургу. – Я знаю, твоя хозяйка не запирает на ночь двери.

– Он повздорил с кем-то спяну, а мы тут ночью ищи его! – обиделся Люксембург, но лопату взял.

– Я бы, камрад, не советовал вам расходиться, – сказал Шульц. – Вот, Гурин ушел от нас, и тут же будет убит. Вы, Иона Люксембург, сейчас уходите, и тоже будете убит. И хозяйка зря будет дожидаться вас. И вы, Юха Куолупайкинен, будете убит, если пойдете.

Люксембург вздрогнул и попятился ближе к Посудкину, выставив лопату во враждебную темноту. Куолупайкинен со своей огромной вилкой на деревянной ручке последовал его примеру.

– Ну, куда ж мы разойдемся! – загомонили товарищи. – Мы останемся до конца!

Паровик выпустил струйку пара и покатил дальше, а революционеры остались одни. Любое движение, любой звук гулким эхом отражалось от стен домов, смотревших на них темными глазницами окон, и всхлипывание воды в худых эмигрантских ботинках походило на звук лавины, сходящий с

альпийских вершин. Вслед за Посудкиным трусливой рысью ополченцы пересекли темную площадь и оказались на набережной Роны у моста, уходящего к острову Руссо. Здесь бушевал холодный ветер с гор, пробирая сквозь худые пальтишки до самого революционного нутра. Они долго топтались на набережной, всматриваясь во мрак ночи, не рассеиваемый редкими газовыми фонарями, и даже Посудкин не решался сделать первый шаг. Все нервно захихикали, и вслед за Посудкиным двинулись по скользким доскам моста.

Таинственным образом ветер проредил добровольцев и ко входу на висячий мостик, отделявший их от острова Руссо, подошло уже только человек пятнадцать. Тут все вновь остановились. Ветер раскачивал на острове высоченные тополя, тербил по его берегам мокрые кусты, и за пеленой дождя черная фигура философа, сидевшего спиной к мосту, казалась надгробием над кладбищенским склепом в зеленоватом колеблющемся свете четырех фонарей, дребезжавших стеклами на столбах по углам чугунной ограды. Страшнее всего был черный, похожий в темноте на гигантский гроб павильон летнего кафе, словно это было упокоище самого безбожника Руссо, которого черти выпустили погулять, чтобы потом вновь забрать к себе с первыми петухами на рынке.

Внезапно откуда-то снизу, словно из под воды, явственно донесся человеческий стон.

– Ну же, Посудкин, идите! Это Артемий Иванович, наверное, стонет, – шепотом сказала Фанни. – Вы же смелый че-

ловек, вы же на участок нападали!

Действительно, два года назад Посудкин за вооруженное нападение на полицейский участок пошел на каторгу, по высочайшей воле заменившую смертную казнь. Но там были живые городовые, а не мертвые философы!

– Да-да, иду, – сказал Посудкин, поднимая в левой руке фонарь и крепко сжимая в другой нож для сыра. – Долг. Революционера.

И сделал отчаянный шаг вперед. Под его тяжестью мост закачался и протяжно заскрипел.

– Ой-ой, – сказал Куолупайкинен. – Я здесь постерегу, чтобы на вас сзади не напали. Если что, мы отопьемся.

Иона Люксембург поддержал товарища и составил ему компанию, как и еще десяток наиболее смелых эмигрантов, в основном из террористической фракции, решивших на смерть стоять при входе на мостик против любых сил тайной русской полиции. Те, кто потрусливей, последовали за Посудкиным и Шульцем с его револьвером, больше доверяя свою безопасность им, чем террористической фракции.

Когда последний боец сошел на остров, из-под земли раздался сатанинский смех, и передовой отряд мигом остался без тылового охранения, только эхом донесся затихающий топот и сиротливо остались на мосту брошенными лопата и вилка. В полном молчании, боязливо прижимаясь друг к другу, оставшиеся обошли весь остров, заглянули за оградку вокруг статуи Руссо, осмотрели, немного осмелев, пави-

льон кафе, на дверях которого, к счастью, висели замки, ясно показывая, что можно не заглядывать через темные окна внутрь.

Утомившись от переживаний, все собрались у памятника и бессильно расселись на скамейках. Только Шульц продолжал со своей немецкой методичностью обшаривать кусты. Минут через десять он появился, держа на вытянутых руках пальто, с которого лилась вода.

– Мне кажется, эта вещь принадлежит камрад Гурин, – сказал он.

Фанни вскочила и бросилась к немцу. На воротнике пальто она обнаружила метку Артемия Ивановича, которую собственными руками вышила по его просьбе.

– Это его! – всхлипнула она.

Шульц запустил руку в полный воды карман пальто и выудил оттуда пригоршню белой гальки.

– Камрада Гурина пытались утопить, – сказал он. – Но раз его тела в этот мантиль нет, то либо его унесло течением, либо он, возможно, сумел вывернуться из мантиль, пока еще жив был.

– Мы должны его найти живым или мертвым! – вскрикнула Фанни сквозь слезы.

– Надо быстро, – сказал Шульц. – Если его нет в его мантиль, он может быть еще жив.

И первым зашагал к мостику. Было решено основными силами сперва осмотреть левый рукав Роны, по которому

его могло занести на новую насосную станцию. Двое – Фанни и Шульц – пошли по правому берегу. Через полчаса безуспешных поисков они встретились на Кулувреньеерском мосту, и после недолгого совещания опять разделились, чтобы идти вниз по разным берегам. Всю ночь они обшаривали прибрежные кусты вниз по течению до самого впадения Арва, портили рыбачьи сети и будили мирных швейцарцев и их собак своими дикими криками. За время их поисков им попался труп, мужской, но с огромными рыжими усами. Еще они нашли капор Фанни, смытый с ее головы во время падения с моста.

По пути обратно в Женеву, когда усталые и опустошенные эмигранты еле волочили ноги, кто-то высказал мысль, что это даже хорошо, что они не нашли Артемия Ивановича, потому что денег у них на его похороны нет, и его пришлось бы хоронить за счет коммуны, где он был бы найден, а швейцарцы уже и так роптали, что русские умудряются хорониться за счет женевских коммун. Вот и мадам Гриссо об этом говорила. А русская община за последнее время уже трижды злоупотребляла терпением женевцев.

Первым удостоился чести быть похороненным на дармовщинку один долговязый хохол с тараканьими усами, преемник полковника Соколова по части употребления всего, что содержало хоть малую толику спирта. Все товарищи звали его Мишель, хотя его матушка, поехавшая вслед за ним в эмиграцию присмотреть за сыночком – а вдруг попадет под

влияние нехороших людей или под дышло конки, – утверждала его происхождение по женской линии из рода графьев Соллогубов. Он и от товарищей требовал, чтобы его называли Сигизмундом.

– Как же тебя матушка называет? – приставал к нему Артемий Иванович, когда тот приезжал летом в Шен чистить лягушачий пруд. – Сизей?

– Нет, по-другому... – смутился Мишель.

– Ну вот что, – обычно начинал самодурствовать Артемий Иванович. – Раз у тебя такое нецензурное имя, полезай в пруд. Там Петр Лаврович давеча очки обронил.

Во время одного из этих очкоискательств Мудя и нашел под водою свой конец. После нищих похорон ему были учинены пышные поминки. Матушка его вместе с сожительницей Мишеля, разведенной купчихой мадам Казаковой, напару закатали настоящий пир на берегу пруда, куда съехались голодные товарищи не только из Женевы и Парижа, но даже несколько представителей из России (которые, благодаря Артемию Ивановичу, позднее были арестованы на границе на обратном пути).

– В этом грязном пруду последний раз екнуло пламенное сердце, отдававшее все свои соки лону русской революции... – сотворил Артемий Иванович гражданскую панихиду, после чего взял свою знаменитую жестянку и стал обходить пирующих товарищей для сбора денег на покупку паровой землечерпалки и на новые очки безутешному Петру

Лаврову, не сумевшему по причине их отсутствия приехать из Парижа с деньгами на празднество.

На собранные гроши удалось прикупить только траурный венок, который был пущен мадам Казаковой и матерью с борта лодки на воду в том самом месте, указанном Артемием Ивановичем, где их сын и муж пускал последние пузыри. Лодка оказалась очень неустойчивой и спустя несколько минут они тоже пускали здесь пузыри. Эти тоже были похоронены за счет коммуны. И теперь женевцы при любом удобном случае намекали русским эмигрантам, чтобы помирать те ездили в соседний кантон.

Сама мысль о том, что труп Артемия Ивановича лучше и не находить, чтобы не раздражать швейцарцев, была для Фанни кошмарной. Она разрыдалась, и Посудкин чуть не довел дело до мордобития. К счастью, наступающий рассвет успокоил всех. Можно было бы отправиться домой, но Лёв, все еще взвинченный трусостью товарищей и ехидными подуськиваниями Шульца, предложил пойти на Монбриллан и показать этому Куну кузькину мать, раз уж точно известно, что он в этом деле виноват. Немец стал горячо отговаривать его. На рынке он купил всем пива и маленький круг омерзительного сыра, который прямо на булыжниках мостовой был разделан ножом Посудкина.

Однако все доводы Шульца, что они не смогут доказать убийства Гурина Куном и его поделщиком, пока не найден труп Артемия Ивановича, что если сейчас устроить дебош

у Куна, их самих посадят в кутузку, а Кун и его приятель легко отпрутятся, воздействия не возымели. Подкрепившись, возглавляемая Посудкиным компания народных мстителей отправилась в типографию. Навстречу им шли толпы молочниц в синих платьях и соломенных шляпах, тянулись к рынку огромные повозки, которые тащили грязные швейцарские ослы. Под стук колес отбывавшего с вокзала парижского поезда русские прошли под железнодорожной насыпью и через пару минут были уже рядом с типографией.

В окне второго этажа соседнего с типографией дома они увидели Бинта с бледным изможденным лицом, заклеенными кусками пластыря. Француз смотрелся в небольшое карманное зеркальце и пудрил огромный синяк.

– Вот он! – крикнула Фанни, указывая на окно. – Это я ему в глаз зонтиком ткнула!

Тут же Посудкин саданул с разбегу плечом в дверь, но та выдержала его натиск. Шульц бросился к нему:

– Что ты делать! Нельзя! Сейчас явится полиция и тебя посадят в тюрьма! Ты расправишься с марионетка, а кукловод останется неотомщен. Нельзя разменивать себя на пшик!

Посудкин озадаченно почесал в затылке: сидеть за пшик было как-то не революционно. Завидев внизу возбужденную толпу, из типографии к ним выскочила хозяйка и, картинно заламывая руки, закричала:

– Сюда! Сюда! Полиция! Полиция!

Оставив в покое дверь Куна, эмигранты подбежали к хозяйке и были отведены в типографию, где перед ними предстала картина чудовищного разгрома. В двух комнатах, где народовольцы печатали свою литературу, все было в страшном беспорядке. В первой же комнате с голыми штукатуренными стенами без обоев возвышалась громадная куча изорванных журналов, выброшенных из стенового шкафа, дверь которого со сломанным замком висела теперь на одной петле. Эмигранты узнавали среди обрывков обложки «Биографий первоапрельцев», «Вестника» и «Календаря Народной Воли», которые у самих дома пылились неразрезанными на полках. Привезенные вчера листы пятой книжки «Вестника Народной Воли» тоже были превращены в кучу рваной бумаги. Ящик с новым недавно полученным шрифтом был перевернут на пол и облит царской водкой, превратившей его в сплошную свинцовую массу, от которой шел удушливый запах. Везде валялись жженые спички.

Пока в оцепенении они осматривали картину разгрома, хозяйка собралась и побежала извещать Светлявскую и «Казака». Ее муж, машинист паровика, за полицией идти отказался, он молча забрал лопату у Шульца и удалился с нею к себе.

– Смотрите, это же котелок Артемия Ивановича! – Фанни указала на помятый головной убор, валявшийся справа от двери, там, где пол был заляпан пятнами крови.

– Наверное, его треснули вот этой доской, – сказал Посуд-

кин, – как только он вошел в комнату.

– Это значит, что он выследил шпионов, устроивших здесь погром, – сказал Шульц. – Но они заметили его, подстергли за дверью и напали на него, как только он вошел. А потом оттащили к Роне и там утопили. Русская тайная полиция всегда расправляется так с нежелательными свидетелями.

Фанни подняла котелок, уткнулась в него лицом и зарыдала. Все присутствующие сняли шляпы. Последнее время Гурина среди эмигрантов действительно недолюбливали, особенно после истории с лягушками, но его подвиг искупал все грехи.

Шульц вдруг бросился на улицу и, убедившись, что мсье Куна больше нет в окне, начал колотить в дверь.

– Немедленно открывайте! У вас в доме скрывается человек, который совершил этой ночью разбой в нашей типографии и убил нашего товарища!

Народовольцы последовали его примеру. Насупленная хозяйка затворила за своим постояльцем дверь на двор, попробовала на зуб пятифранковую монету и подошла ко входной двери.

– Убирайтесь отсюда! Я не собираюсь открывать вам дверь! Если у вас претензии к мсье Куну, то приходите с полицией! Понаехали тут...

– Тогда мы будем стоять здесь, пока не явится полиция, – крикнул хозяйке Шульц. – И никого не выпустим из этого

дома. Фанни, зовите полицию.

А в это время похороненный товарищами Артемий Иванович ехал в Париж в пустом купе второго класса и стеклянными глазами смотрел в окно. Весь его пиджак и брюки были измазаны в лебедином дерьме, из-за чего блузник на платформе отказался выдать ему плед, на лбу налилась синим огромная шишка, покрытая коркой запекшейся крови, и хотя Артемий Иванович застегнул пиджак до самого ворота, а ноги поставил на латунную грелку с горячей водой, сунутую ему кондуктором для обогрева перед самым отправлением, его все равно била дрожь. Он боялся агентов Рачковского, которые могли, не зная о том, что он свой, еще раз попытаться прикончить его. Одного из них, толстого брата-славянина, который сел на этот же поезд, он удачно заметил на вокзале и вынужден был скрываться в ватерклозете, пока не убедился, что тот занял свое место в вагоне первого класса.

И ведь все пропало! Налаженная жизнь в уютной дешевой Женеве, ничемные безобидные революционеры, уютные вечера с Фанни... Ах, Фанни-то. Фанни! Артемий Иванович даже пнул со злости латунную грелку. Вот какая змеюка-то оказалась! А он-то считал, что уже почти подвел ее к решению оставить все эту революционную болтовню народолюбцам и заняться делом – поступить на службу к Рачковскому. А уж он, Артемий Иванович, в ответ на ее согласие дал бы свое и женился бы чинно и благородно. Он уже и Рачковского попросил, чтобы она стала сговорчивей, устро-

ить так, чтобы переводы из России несколько месяцев Фанни Березовской не поступали. Ну да вот теперь она попляшет без денежек!

Такие думы одолевали Гурина до самой французской столицы. Он боялся выходить из вагона, чтобы не наткнуться случайно на людей Рачковского, и даже в Дижоне просидел всю остановку в купе. Люди, подсаживавшиеся к нему на станциях, покидали его при первой же возможности и переходили в другие купе или даже вагоны. Так он практически в полном одиночестве провел все шестнадцать часов пути до Парижа, пока поезд не вполз под шатер Лионского вокзала. Денег на извозчика у Артемия Ивановича не было, поэтому он не стал брать фиакр, хотя с огромным удовольствием забрался бы в крытую каретку с подогревом, а отправился в путь по ночным парижским улицам через Аустерлицкий мост в конспиративную квартиру на бульваре Араго пешком.

В темном четырехэтажном доме свет горел лишь в окнах одной квартиры в мансарде – именно той, куда надо было Артемию Ивановичу. Несколько раз во время своего пребывания в Париже он встречался здесь с Рачковским, и именно сюда ему было велено являться в случае непредвиденных осложнений.

– Мсье Леонард здесь уже с обеда, – сказала разбуженная консьержка в ответ на требование Артемия Ивановича дать ему ключ и согреть воды. – И еще один мсье приехал полчаса назад. Идите, мсье, вот вам свеча. Вас, наверное, ждут.

На имя Леонарда он всегда отправлял Рачковскому письма и телеграммы. Мечта Артемия Ивановича пусть о голодном, но тихом и спокойном вечере в одиночестве рассыпалась на глазах. Вместо того, чтобы вымыться и отдать почистить платье, придется в том виде, как есть, объясняться с начальством. Взяв подсвечник, он медленно побрел по вонючей лестнице наверх. Встав у двери, он тихо приоткрыл ее и прислушался. Мужской голос, – Артемий Иванович узнал по нему того самого брата славянина, – жалостливо вещал:

– А потом изорвали, как вы нам и велели, весь имевшийся в типографии революционный материал по степени его революционной важности. Я совершенно без сил, Петр Иванович, вот, посмотрите на мои руки: все в мозолях водяных, пальцы не сгибаются, предплечья болят так, словно я прачкой на портомойном плоту двое суток белье мыл.

– Вы мне, Милевский, объясните лучше, что у вас там за проблемы возникли, – сказал Петр Иванович.

– Проблем было две, даже три. Мы начали в девять, и почти сразу же к нам ввалился гость, какой-то пьяный русский эмигрант. Швейцарец хватил его по лбу доской, а Бинт влил в него бутылку коньяку, отчего тот не только не угомонился, но стал еще буйнать. Пришлось нам с Бинтом отволочь его к реке и там оставить. Хуже всего то, что по дороге мы встретили его мамзель, и она увязалась за нами, а потом накинулась на нас как фурия. Тридцать такой фурий с зонтиками пробили бы брешь в Фермопилах, Дарию и армии никакой

не надо было бы. Бинту на роже когтями десять заповедей прописала, да еще в глаз двинула. Нам ничего не оставалось, как скинуть ее в воду. Не знаю уж, утонула она или выплыла.

– Милевский, вы что с Бинтом – спятили?! Как утонула? Представляете, какой сейчас в Женеве скандал!?

– Не утонула она, – картинно растворив дверь, Артемий Иванович вступил в квартиру. – Выплыла, гадина.

Высокий человек с пышными черными усами, ворошивший кочергой угли в камине, выронил ее от неожиданности, и она с глухим звуком упала на латунный лист перед камином. Толстый Милевский, раскрыв рот, застыл на стуле.

– Ты что здесь делаешь, Гурин?! – спросил усатый, поднимая кочергу. – Ты же в Женеве должен быть!

– Так это он и есть, Петр Иванович, – сказал Милевский. – Тот эмигрант, что в типографию приходил!

– Ты же чуть все дело не провалил! Ты себя провалил! Ты зачем из Женевы уехал?! Кто теперь поверит, что ты ни при чем?!

– Да я бы в жизни сюда не приехал, если бы эти двое Фанечку с моста в воду не скинули. – Артемий Иванович проследовал к камину и сел перед ним на корточки, протянув озябшие руки к огню. – Товарищи, прости Господи, меня и так уже в провокаторстве стали подозревать, а как Фанечка меня с этими двумя громилами увидела, а они ее за это в воду – тут уж никаких сомнений не стало. Они дреколье схватили, как она выплыла и к ним прибежала, и за мной. Ко-

гда б не Шульц, точно убили бы!

– Какой еще Шульц? – спросил Рачковский.

– Ну, товарищ немецкий, из Цюриха, в тамошнем Политехническом институте учится, оттого и к нашим цюрихским прибился. Приехал в Женеву насчет террористической работы связи налаживать. Я, как меня ваши громилы на острове бросили, под мост заполз. Раненый я был, кровью истекал, да и дождь идет – а там сухо, хотя все в лебедином дерьме. Думал там до утра отсидеться, а тут они и явились по мою душу. С факелами, Петр Иванович, с вилами и лопатой, чтобы меня, значит, сразу тут и похоронить. У них с похоронами проблемы последнее время, кхе. Весь остров они обыскали, только под мост не догадались заглянуть. А Шульц догадался. Видать, услышал, как я от боли стонал. Он все мне рассказал, и угрозу смертельную от меня отвел: забрал у меня пальто, камней в карманы набил – и в воду его макнул. А им сказал, что нашел пальто в реке под мостом, и видать по всему, меня утопили. Да еще семьдесят франков дал, чтоб я бежать из Женевы смог. «Уезжай, говорит, в Цюрих, а оттуда в Вену, потом оправдаешься, когда все успокоится». Да куда же мне на семьдесят франков до Вены? Тут только к вам в Париж едва на билет хватило. Да и зачем, когда здесь я на работе буду нужнее. В Вене у вас, Петр Иванович, небось другие агенты есть.

– В Вене-то у меня есть. Зато в Женеве теперь внутреннего агента нет.

– Это все хорошо, Гурин, мы во всем виноваты, – сказал Милевский. – Только объясните нам, какого черта вы в типографию приперлись?

– Я, это... Книжку свою спасал.

– Какую книжку? – спросил Рачковский.

– Про лягушек. Я ее специально написал, чтобы доступ в типографию получить. Посторонних-то Казак туда не пускал, а так я приходил набор проверять, а заодно все там примечал и на плане означал. План-то вам понравился, Петр Иванович? Я туда с гостиничной салфетки даже памятник герцогу Брауншвейгскому перерисовал.

– Видел я твой план, сладкий мой. На нем книжки твоей обозначено не было, и ее бы не тронули. Они и так еле к рассвету успели революционный материал уничтожить, еще полторы сотни экземпляров второй книжки «Вестника» и десять пудов шрифтов осталось. А в твоей книжке никакой революционной ценности не могло быть, чтобы на нее время тратить.

– Зато в ней общечеловеческая ценность была! – Артемий Иванович надулся и выпятил грудь. Поперек белой сорочки явственно читалось: «Взрослый гренуй имеет около фунта живого веса». – А теперь нету.

Дверь в квартиру распахнулась и на пороге комнаты появился Бинт. Он сразу узнал сидящего перед камином человека, повернувшего к нему измятую и испуганную физиономию. Француз потерял самообладание и, подняв трость, с

визгом бросился на Артемия Ивановича. Милевский успел перехватить этот импровизированный карающий меч, но Бинт, решив во что бы то ни стало свершить правосудие, оставил трость в руках у пузана, а сам повалил Гурина на пол перед камином и вцепился ему в горло. Артемий Иванович почувствовал, что пальцы в лайковых перчатках не могут как следует сжать его шею, отчаянно засучил ногами и уперся потной пятерней прямо в физиономию Бинта.

– Бросьте, Анри, это наш человек, – спокойно сказал Рачковский, наблюдая за постигшим Артемия Ивановича возмездием. – Он нам еще пригодится.

– Слезь с него скорее. – Милевский встал и попытался за плечи оторвать Бинта от Гурина. – Ты сейчас весь в птичьем дерьме будешь.

Слова Милевского подействовали на француза отрезвляюще. Он вскочил, как ошпаренный и стал отряхивать свое пижонское пальто.

– Какого черта он в дерьме? Это ты его вывалял?

– Когда мы его оставили на острове, он заполз под мост и там от своих народовольцев скрывался.

– Да это он им о нашем проникновении в типографию сообщил! Очухался и помчался к своим любезным камрадам! Ты-то, как мы и договаривались, на парижский поезд направился, а я домой зашел хоть немного привести в порядок лицо перед поездкой. Только поставил воду греть, как тут эти явились с ножами, кольями и вилками: «Куна на фонарь!»

Кишки ему выпустить! Отомстим за нашего Гурина!» Если бы с ними не было какого-то немца, который отговорил их выламывать дверь, они бы меня прикончили да потом в парке напротив бы закопали. У них даже заступ для того припасен был. Пока они в типографии охали да ахали, я еле дворами ушел, и потом в товарном депо до самого лозаннского поезда укрывался.

– Это ты врешь! – не вставая с пола, закричал Артемий Иванович. – Не могли они такого кричать, чтобы за меня отомстить! Я от них под мостом прятался! Лопатой этой меня собирались закопать! Я своими ушами слышал, как эта сука им сказала: «Мы должны его найти живым или мертвым! Он от нас не уйдет». А то, что мсье Кун – шпион, и у типографии ради наблюдения за ней поселился, народовольцы давно подозревали. Сами вы дерьмо собачье! И Грюна они тоже приметили, только не знали, где этот пузан живет и что он за квартирой Светлявской следит! Клоуны!

– О, разошелся! – сказал Рачковский. – Сейчас нас еще и побьет. Вставай уж с пола, суп луковый, раз уж тебя в живых оставили. Жрать, небось, хочешь? Иди, вон там на столе чай на спиртовке, сахар и круассаны. А что это за немец был, который Бинта спас?

– Так я же вам говорил: Шульц его фамилия. – Артемий Иванович с готовностью переместился за стол. – Он из Цюриха. Отменный парень. И меня тоже спас. Только чокнутый немного на терроризме. И вся рожа в шрамах, какая теперь у

Бинта будет. Шульц все с идеей носится, что надо в Париже какого-нибудь великого князя завалить. И чем ему русские князья не угодили?! У них своих полно, вот и убивал бы их.

– А ты знаешь, дражайший мой, – сказал Рачковский угрожающе-слащавым тоном, – что два дня назад в Париж приехал великий князь Николай Николаевич-младший? Может твой Шульц не такой уж и чокнутый? Откуда он взялся? Давно он в Женеве вертится?

– Да уж с месяц, если не полтора. При деньгах господин, мне такие нравятся.

– И что же, у него были из Цюриха от кого-нибудь рекомендации?

– Так он же немец! Кто ж его порекомендует! Он вместо рекомендаций всем пива выкатил. И по-русски говорит, только не чисто.

– То есть он всем вам пива выкатил, месяц соблазнял всю женевскую эмиграцию великого князя убить, а мой внутренний агент три рапорта мне за это время прислал, и ни в одном этого Шульца не упомянул?

– Так ведь, Петр Иванович, у нас Люксембург с Куолупайкиным каждый божий день Государя собираются убивать. Бумаги не напасешься все это описывать. Что ни день, то новый план у них. Иона говорит: шуку в Гатчину пошлем стрихнином нафаршированную, а Юха говорит: нет, корюшку. Я думал, этот Шульц такой же. А он оказался человек практичный, и денег мне на спасение дал, и вот даже фран-

цуза спас. Господи, как ему морду-то покарябали. Неужто Фанни его так? Вот видите, Петр Иванович, а я на этой Фанни ради дела жениться собирался.

– Ты мне зубы не заговаривай. Агента-то внутреннего у меня теперь нету, мне придется за Шульцем наружное наблюдение устанавливать. Где он живет? Ага, это тебе не известно. Никому, говоришь, не известно? Как дам сейчас по уху! А где и когда его можно встретить? Кто бывает у него дома и кто больше всего идеям его сочувствует?

– Да кто ж его знает, этого Шульца. Он никого домой не приглашал. Идеям его никто не сочувствует, иначе бы я вам сразу написал, а если вас интересует, кто способен сейчас великого князя укокошить, так я вам с первого раза скажу: кроме Лёвы Посудкина во всей Женеве никакого другого дурня на это дело не сыщешь.

– Я уверен, что в Цюрихе не знают никакого Шульца, – сказал Рачковский. – И меня бы он не заинтересовал, когда бы мне не попало третьего дня в руки одно письмо. Камердинер графа Мюнстера продал его Севиньи. Я его всерьез до сегодняшнего вечера не рассматривал, там какой-то всемирный бисмарковский заговор, индийские принцы с Катковым, грядущий юбилей королевы Виктории и еще какая-то чушь. Но вот среди прочего там шла речь о том, что германской агентуре следует организовать убийство русского великого князя в Париже руками русских нигилистов в начале восьмидесят седьмого года. То есть, уже через месяц мож-

но ожидать. А тут как на заказ – немец появляется, который русских нигилистов к убийству великого князя склоняет, и подходящий великий князь в аккурат в Париж прибывает. А мой любимый Рокамболь ничего мне про это не пишет!

– Так дело-то пустяковое! – Артемий Иванович увернулся от оплеухи Рачковского. – Приставьте кого-нибудь к Посудкину – и дело в шляпе. Другого, если Шульц действительно германский агент, ему все равно не сыскать, если только из России какие неизвестные мне не понаедут. А Шульца не филируйте, Петр Иванович, он таких, как эти двое, запросто вокруг пальца обведет, он страсть какой хитрый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.